

Научная статья

УДК 342.3

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).220-229

EDN JOVRPY

Государственно-правовой статус монарха (часть вторая)

Ирина Викторовна Минникес

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

АННОТАЦИЯ

Продолжение исследования государственно-правового статуса монарха. В части первой предложено авторское определение монархии: это форма правления, в которой статус главы государства в обычных условиях наследственный и бессрочный. Согласно авторской концепции, статус монарха включает четыре элемента, первый из которых статуса – это внешние материальные и нематериальные атрибуты статуса (часть первая). Продолжение исследования посвящено детальному анализу трех других составных частей статуса. Важным элементом статуса являются права и обязанности монарха. Обоснована идея о том, что неотвеченность является не признаком монархии в целом, а принципом осуществления полномочий монарха. Юридическое оформление неотвеченности сопровождается ссылкой на круг субъектов, которые несут ответственность за действия монарха. Логично предположить, что правительство, министры, совет и другие субъекты отвечают только в рамках осуществления полномочий правителя. Матримониальные, представительские и иные действия монарха не дублируются ответственностью данных лиц. Следовательно, неотвеченность монарха ограничена конкретным элементом его статуса – полномочиями. Следующий элемент статуса монарха – это его идеологический вес. Исторически он проявлялся в сакрализации образа правителя. В настоящее время идеологическое значение монарха может заключаться в признании духовным лидером, символом нации. Заключительный элемент статуса монарха – его персонифицированность, которая подразумевает значение личного имени правителя в государственно-правовых отношениях. Проявляется в разных формах, в частности, как обязательная часть обращения к главе государства (титлатуры), как гарантия права на престол, на участие в законодательной деятельности и т.д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

форма правления, монархия, статус монарха, определение монархии, неотвеченность монарха, наследование престола, титул монарха

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минникес И.В. Государственно-правовой статус монарха (часть вторая) / И.В. Минникес. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).220-229. – EDN JOVRPY // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 2. – С. 220–229.

Original article

The state-legal status of the monarch (part two)

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russia

ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

ABSTRACT

Continuation of the study of the state-legal status of the monarch. In the first part, the author's definition of the monarchy is proposed: it is a form of government in which the status of the head of state in ordinary conditions is hereditary and indefinite. According to the author's concept, the monarch's status includes four elements. The first element of status is the external material and non-material attributes of the status (Part 1). The continuation of the study is devoted to a detailed analysis of the following three components of the status. An important element of the status is the rights and duties of the monarch. The article substantiates the idea that non-liability is not a sign of the monarchy as a whole, but the principle of exercising the powers of the monarch. The legal arrangement of non-liability is accompanied by a reference to the circle of subjects who are responsible for the actions of the monarch. It is logical to assume that the government, ministers, council and other are responsible only within the framework of exercising the powers of the ruler. The matrimonial, representative and other actions of the monarch are not duplicated by the liability of these persons.

© Минникес И.В., 2025

Consequently, the non-liability of the monarch is limited by a specific element of his status – the authority of the ruler. The next element of the monarch's status is his ideological weight. Historically, it manifested itself in the sacralization of the ruler's image. Currently, the ideological significance of the monarch may consist in recognition as a spiritual leader, a symbol of the nation. The final element of the monarch's status is his personification, which implies the meaning of the ruler's personal name in state-legal relations. It manifests itself in various forms, in particular, as an obligatory part of addressing the head of state (titulature), as a guarantee of the right to the throne, to participation in legislative activities, etc.

KEYWORDS

form of government, monarchy, status of the monarch, definition of monarchy, non-liability of the monarch, succession to the throne, title of the monarch

FOR CITATION

Minnikes I.V. The state-legal status of the monarch (part two). *Akademicheskij juridicheskij journal = Academic Law Journal*. 2025;26(2):220–229. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(2).220-229. EDN: JOVRPY.

Введение

Неограниченные полномочия правителя, на которые зачастую указывают теоретики права, определяя монархию как форму правления, в настоящее время практически ушли в небытие вместе с породившими их историческими условиями. Для того чтобы дать определение монархии, важно найти признаки, которые роднят монархические государства разных исторических эпох.

Наследственность и бессрочность замещения престола, безусловно, являются опорными точками определения. Однако следует отказаться от узкого понимания сферы действия принципов наследственности и бессрочности. Они относятся не только к власти монарха, а ко всему статусу главы государства.

В части первой данного исследования [1] указано, что статус монарха не ограничивается исключительно его полномочиями. Выдвинуто предположение, что статус монарха состоит из четырех элементов.

Первый элемент – это внешние атрибуты статуса (титул, корона, иные регалии, резиденция и т.п.). Детальный анализ внешних атрибутов статуса монарха представлен в части первой. Ниже рассматриваются три других элемента статуса монарха. Это его права и обязанности, идеологический вес правителя и персонифицированность статуса монарха.

Полномочия монарха как элемент статуса.

Неответственность монарха

Второй элемент статуса – это полномочия монарха, в том числе его обязанности в контексте управления страной.

Права монарха. В зависимости от того, идет ли речь об абсолютной монархии или же рассматриваемое государство представляет собой так называемую «идеологическую» модель монархического строя, возможности главы государства могут быть как всеохватывающими, так и незначительными.

Права монарха в сфере власти начинаются с конституционных предписаний о том, что «Исполнительная власть принадлежит Королю» (Норвегия) до «Управляет государством Правительство. Оно ответственно перед Риксдагом» (Швеция). Правда, не следует забывать, что «характерной чертой парламентских монархий... является наличие расхождений между нормами конституции и фактическим положением дел (например, закрепление в конституции широких полномочий главы государства и фактически номинальная его роль в государственном механизме, юридическая ответственность правительства перед парламентом, влекущая отставку правительства, и фактическая возможность роспуска парламента по инициативе правительства главой государства) [2, с. 6].

В некоторых случаях список прав монархов разных стран внешне сходен. Так, законодательство Королевства Эсватини (Свазиленда) объявляет, что Король-Ингвеньяма держит в руках всю исполнительную власть, имеет право утверждать и подписывать законопроекты; созывать и распускать парламент и т.п. Внешне примерно по такой же схеме строятся отношения Короны и властей в Дании: «Законодательная власть осуществляется совместно Королем и Фолькетингом. Исполнительная власть осуществляется Королем» (ст. 3¹).

Но на самом деле монархии этих стран существенно отличаются. Так, согласно статье 65 Конституции Королевства Эсватини Ингвеньяма может действовать по совету и рекомендации какого-либо органа, а может осуществлять любую функцию по собственному усмотрению. Кроме того, если Ингвеньяма проконсультировался или посоветовался с кем-то, это совсем не означает, что правитель будет следовать полученной рекомендации: король, как говорится в Конституции, волен прислушаться и выполнить действие, а мо-

¹ Конституция Королевства Дания. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/denmark.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

жет и «не выполнять эту функцию после такой консультации».

Не углубляясь в вопрос классификации монархий в зависимости от объема полномочий главы государства, отметим, что тезис о полномочиях как части статуса монарха общепризнан. Поэтому в данном исследовании нет смысла подробно останавливаться на этом вопросе.

Обязанности монарха. Значительно больше внимания заслуживает другая проблема, связанная с данным элементом статуса монарха. Это его обязанности.

Обычно описание второго (а иногда и единственного) элемента статуса монарха ограничивается исключительно правами. Иное трудно предположить, если понимать под монархией только самодержавие.

Но, как указано ранее, современным монархиям свойственно разнообразие. Поэтому стоит задать вопрос и о том, есть ли у современных правителей обязанности. И если да, в чем именно они заключаются?

При первом приближении можно дать отрицательный ответ. Монарха обязать невозможно, поскольку обязанность — это мера должного поведения, пренебрежение которой может повлечь за собой ответственность. А общеизвестно, что именно неотчетливость обычно называют отличительной чертой монархии.

Но как в этом случае отнестись к положениям статьи 4.4 Конституции Эсватини (Свазиленда)? В ней сказано, что Король «имеет такие права, прерогативы и обязанности (*obligations*) (выделено мной. — *И.М.*), которые даны ему Конституцией и любыми иными законами, включая обычаи и законы Свази, и осуществляет эти права, прерогативы и обязанности в соответствии с положениями и духом настоящей Конституции».

Упоминание не только о правах и прерогативах, но и об обязанностях монарха тем более важно, что Королевство Эсватини обычно относят либо к дуалистическим, либо вообще к абсолютным (полуабсолютным) монархиям. Обязанности монарха в стране с неограниченными возможностями правителя в сфере осуществления власти изрядно разрушают картину полномочий без обязанностей.

Этот факт позволяет предположить, что ответ не столь однозначен и требует оценки конституционных положений под несколько иным углом зрения.

В реальности в конституциях и обычаях ряда стран предусмотрены правила, которые обязан соблюдать правитель.

Некоторые авторы квалифицируют их именно как обязанности монарха: «По традиции на монарха возлагаются и некоторые обязанности. Он выступает как арбитр в обществе, жизнь королевской семьи находится под пристальным вниманием общественности, что также требует некоторых ограничений, сдержанности, следования традициям. Часто от монарха требуется определенная религиозная принадлежность» [3, с. 62].

Думается, что обязательства, налагаемые короной, не всегда можно оценивать как обязанности в полном смысле слова. Они, скорее, представляют собой своеобразные ограничения в различных сферах жизни.

Законодательство монархических государств дает множество примеров таких обязанностей-ограничений.

Наиболее часто встречается статья о принадлежности монарха к определенной конфессиональной группе.

Согласно статье 6 Конституции Дании и статье 4 норвежской Конституции короли данных стран должны принадлежать к евангелической лютеранской церкви. Британский монарх при вступлении на престол дает клятву сохранять протестантское наследие и становится главой англиканской церкви. В Таиланде Конституция четко обозначила, что король — буддист. В мусульманских странах приверженность правителя исламу настолько бесспорна и однозначна, что не нуждается в дополнительной регламентации нормами права.

Второе часто встречающееся ограничение статуса монарха — это запрет на принятие короны другого государства без согласия парламента.

Так, Конституция Дании запрещает королю «занимать королевский престол в каких-либо других государствах без согласия Фолькетинга». В Норвегии королю нельзя принять никакую корону и никакое правление без согласия Стортинга. Несоблюдение этого требования влечет за собой, согласно Конституции, лишение права на престол, причем не только для самого нарушителя, но и для его потомков.

Третья группа ограничений налагается на матримониальные отношения Короны. В этой сфере наиболее часто встречается запрет на вступление в брак с разведенным лицом, с лицом, исповедующим иную религию, брак без королевского одобрения и т.п.

Конституционное законодательство содержит и ряд иных обязанностей монарха.

Довольно распространенной является обязанность действующего правителя назначить пре-

емника в случае отсутствия прямого наследника или вариативной системы престолонаследия.

Не менее важна обязанность правителя находиться в своем государстве. Например, Конституция Норвегии декларирует, что «король обязан проживать в государстве». Правитель, как указано в законе, не может находиться за пределами государства больше, чем полгода без согласия парламента. Важно подчеркнуть, что данное предписание не является обычным пожеланием или рекомендацией: если монарх не выполнил это требование, он «теряет для собственной персоны право на Корону».

Подводя итоги, следует признать за обязанностями монарха право на самостоятельное место в статусе правителя.

Неответственность монарха. Общим для монархических государств является то, что, осуществляя свои полномочия по управлению государством, монарх не несет ответственности за свои действия. Это свойство монарха именуют неответственностью или безответственностью монарха². Правда, в некоторых исследованиях несколько поспешно заявлено, что «глава государства в качестве субъекта ответственности получает закрепление в нормативно-правовых актах всех правовых систем современности», но, как очевидно из содержания, имеются в виду главы стран только с республиканской формой правления [4, с. 25].

Неответственность монарха обычно обозначается как самостоятельное, автономное свойство (признак, принцип) монархической формы правления в целом. Однако в данном исследовании предлагается иной подход к неответственности. Предлагается рассмотреть ее как принцип, который лежит в основе реализации полномочий монарха. Следовательно, ее рамки ограничены именно данным элементом статуса монарха.

Какие аргументы можно привести в обоснование данной позиции?

Во-первых, необходимо обратить внимание на тот факт, что в законодательстве редко напрямую говорится о неответственности правителя.

Анализ текстов конституций монархических государств (из нормативной основы исследования исключены конституционные акты государств с нетипичной формой правления) показал, что существует как минимум четыре способа правового оформления принципа неответственности монарха.

Прямое указание на неответственность есть лишь в нескольких конституциях.

Примером прямого способа оформления неответственности могут служить конституции Швеции, Дании, Испании, Брунея.

Так, шведский закон указывает, что «Король не может быть привлечен к ответственности за свои действия. Также не может быть привлечен к ответственности за свои действия в качестве главы государства и регент» (глава 5 статьи 7).

Казалось бы, вопрос решен однозначно в пользу широкой трактовки неответственности, но дальнейшее изучение текстов конституций обнаруживает интересный факт: довольно часто законодатель не просто объявляет о неответственности правителя, но и указывает на тех, кто несет ответственность вместо него.

Так, в статье 13 Конституции Дании объявлено: «Король не несет ответственности за свои действия; его личность неприкосновенна. Ответственность за правление несут министры; их ответственность определяется законом».

Аналогичный вариант предусмотрен в Конституции Испании.

Согласно пункту 3 статьи 56.1 Конституции «Личность Короля неприкосновенна, и он не подлежит ответственности...» прямое указание на неответственность. Но сразу вслед за этим положением идет очень показательное дополнение: «Его акты всегда должны контрастироваться в порядке, установленном в статье 64; без этого акты не имеют силы...». Упомянутая же в тексте статья 64 объясняет, что «1. Решения Короля скрепляются подписью председателя Правительства и, при необходимости, соответствующих министров. Представление кандидата и назначение председателя Правительства, а также роспуск Генеральных Кортесов, предусмотренный статьей 99, скрепляются подписью председателя Конгресса.

2. За решения Короля ответственны лица, скрепившие их своей подписью».

Какой вывод следует из этого факта? Представляется очевидным, что неответственность Короны, дополненная ответственностью иных субъектов власти, имеет ограниченное поле действия. Она распространяется лишь на те деяния правителя, которые может продублировать министр или иное должностное лицо.

Еще однозначнее в этом отношении формулировка неответственности в Конституции Брунея. Согласно статье 84. В.1) «Его Величество Султан не может творить зла ни в личном, ни в официальном качестве. Его Величество Султан не несет ответственности ни за какие процессуальные действия,

² О терминах «неответственность» и «безответственность» монарха — см. в части первой.

включая судебные, которые он осуществлял, пока пребывал в должности...». Несмотря на некоторую вариативность перевода, можно заключить, что в этой Конституции неответственность напрямую связана с «процессуальными действиями» Султана, причем не вообще, а в то время, пока он осуществлял властные полномочия.

Косвенный способ указания на неответственность монарха значительно более распространен. Чаще всего неответственность монарха декларируется через ответственность иных субъектов.

В Конституции Бельгии неответственность монарха предусмотрена в статье 88. Формулировка довольно короткая: «Особа Короля неприкосновенна; его министры ответственны». Указание на ответственность министров является косвенным подтверждением неответственности монарха.

В принципе, по тому же образцу построена статья 3 Конституции Японии. Согласно этой статье «Все действия Императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты не иначе как с совета и одобрения Кабинета, и Кабинет несет за них ответственность».

Тот же смысл заложен в институт контра-сигнатуры.

Так, в Конституции Лихтенштейна напрямую о неответственности Князя не говорится, зато две статьи предусматривают контра-сигнирование его актов. Статья 85: «Глава Правительства председательствует в Правительстве. Он ведет дела, поручаемые ему непосредственно Князем и контра-сигнирует законы, а также декреты и указы, издаваемые Князем...». Статья 86: «...Официальные экземпляры резолюций Князя по представлению главы Правительства должны иметь собственноручную подпись Князя и, кроме того, быть контра-сигнованы главой Правительства».

Иногда контра-сигнатура и ответственность в тексте конституционного акта неразрывно связаны, как это, например, сформулировано в статье 5 Конституции Норвегии: «Особа Короля священна; он не может подвергаться осуждению или обвинению. Ответственность возлагается на его Совет». Согласно статье 31 той же Конституции «Все принятые Королем решения для своей действительности нуждаются в контра-сигнации».

Несмотря на вариативность формулировок, юридическая техника изложения принципа неответственности свидетельствует о неразрывной связи данного принципа с полномочиями монарха и иных субъектов власти.

Совершенно очевидно, что последние, будь то министр, правительство или совет, несут ответственность вместо монарха не за его титулы

и регалии, не за брачные узы и сакральный облик монарха. Они несут ответственность за те властные действия, которые предпринимает монарх. Следовательно, их ответственность ограничена исключительно сферой полномочий монарха.

Подводя итог, можно сказать, что, *во-первых*, формулировка принципа неответственности в конституциях подтверждает выдвинутый тезис об ограничении неответственности только полномочиями монарха.

Во-вторых, следует разграничить понятия «неответственность» и «неприкосновенность» личности монарха.

Как ранее указано, неответственность не всегда находит отражение в статьях конституционных актов. Но из этого факта было бы поспешным сделать вывод об отсутствии данного принципа в реальности.

Иногда в исследованиях можно встретить точку зрения, согласно которой о неответственности может свидетельствовать конституционная статья о священности и неприкосновенности монаршей особы.

Как отмечает М.А. Краснов, «не-ответственность монарха... основана на идее его неприкосновенности. Иногда оба эти понятия считают тождественными» [5, с. 19].

Действительно, если принцип сформулирован широко, например, «Никто не может предъявлять Королю какие-либо обвинения или иски» (статья 8 Конституции Таиланда), включение в общую массу принципа неответственности можно предполагать.

Но в некоторых конституциях (например, Кувейта, Бахрейна и Монако) речь идет только о неприкосновенности особы монарха.

Логично предположить, что неприкосновенность распространяется на все стороны жизни монарха, коль скоро речь идет о личности правителя. Например, в статье 64 Конституции Катара указано, что именно личность Эмира «неприкосновенна и уважаема всеми».

Следовательно, принцип неприкосновенности выходит далеко за рамки статуса субъекта власти. Как справедливо указывает М.А. Краснов, «...содержание «неприкосновенности» шире. Оно включает в себя недопустимость ограничения личной свободы, физического насилия, оскорбления, отчуждения собственности» [5, с. 19].

Таким образом, статьи о неприкосновенной и священной особе монарха наделены более широким содержанием.

И снова напрашивается вывод о том, что неответственность является более узкой характе-

ристикой, не распространяющейся на иные элементы статуса монарха.

Коль скоро неприкосновенность можно отнести ко всем сторонам жизни монарха, можно ли включить именно этот признак, наряду с общепризнанными наследственностью и бессрочностью, в разряд отличительных свойств монархии вместо неотвеченности? Не отрицая важности такого элемента статуса, следует признать, что неприкосновенность не может стать критерием квалификации форм правления, поскольку является свойством как монарха, так и иного главы государства – президента, председателя совета и т.д.

В-третьих, дополнительную аргументацию в пользу предложенной идеи может дать анализ особенностей юридической техники, а именно – местоположение статей о неотвеченности в конституциях. Всегда ли законодатель отводит равноценные места в этом акте наследственности престола и неотвеченности?

Положительный ответ на этот вопрос стал бы аргументом в пользу признания за неотвеченностью столь же важной роли в статусе монарха, как и наследственности.

О наследственном характере передачи власти обычно говорится в первых же статьях конституций. Касаемо же принципа неотвеченности такой вывод сделать нельзя.

Для наглядности проведенного исследования данные о местоположении статей о наследственности и неотвеченности представлены в виде систематизированного перечня (таблица).

Прежде чем анализировать полученные данные, следует сделать несколько замечаний.

В таблице представлены сведения только из тех конституций, в которых присутствует принцип неотвеченности в прямой или косвенной форме. Конституции, в которых законодатель ссылается только на принцип неприкосновенности личности монарха, не учитываются по соображениям, которые приведены выше.

Второе замечание касается содержания статей для сравнительного анализа. В таблице представлена та статья, которая провозглашает принцип наследственного правления в любой форме, например, что государство является наследственной монархией. Статьи, детализирующие порядок наследования престола, возможности назначения преемника и т.п. в расчет не принимаются. Безусловно, база для сравнительного анализа весьма ограничена. Однако при первом приближении можно однозначно утверждать, что расположение статьи о неотвеченности в конституциях монархических государств чаще не совпадает с расположением статьи, регламентирующей одно из знаковых свойств монархии – наследственность передачи статуса.

Кроме того, само по себе отсутствие в ряде монархических конституций регламентации принципа неотвеченности тоже может пополнить копилку аргументов в пользу версии о неотвеченности не как о базовом признаке монархии, а как о принципе осуществления монархом своих полномочий.

Идеологическая основа статуса монарха

Третий элемент статуса монарха – это его идеологическая составляющая, созданная многовековыми монархическими традициями, правосознанием и даже религией.

Как отмечает А.Л. Бредихин, «монархия имеет сакральный характер... именно это главным образом отличает монархию и статус монарха от светской республиканской формы правления. ...» [6, с. 18].

Правда, автор отмечает, что «обычно в научной или учебной литературе не упоминается о таком признаке монархической формы как сакральный характер» [Там же].

В отношении учебной литературы мнение автора оправдано, а вот касаемо научных исследований тезис не совсем корректен.

Таблица

Местоположение статей о наследственности и неотвеченности монарха в конституциях государств

Государство	Раздел/статья о принципе наследственного правления	Раздел/статья о неотвеченности/контрасигнатуре
Бельгия	гл. 3, ст. 85	гл. 3, ст. 88
Бруней	преамбула, ст. 4	ст. 84 В.1)
Дания	ч. 1, ст. 2	ч. 3, ст. 13
Испания	вводный раздел, ст. 1	разд. 2, п. 3 ст. 56.1, ст. 64
Лихтенштейн	гл. 1, ст. 2	гл. 7, ст. 85, 86
Норвегия	А. ст. 1	Б. ст. 5, ст. 31
Швеция	гл. 1, ст. 5	гл. 5, ст. 7
Япония	ч. 1, ст. 2	ч. 1, ст. 3

Во-первых, эта сторона монархии была очень подробно изучена дореволюционными учеными. Например, Н.И. Лазаревский справедливо акцентировал внимание на этом факте: «...монархия всегда и везде пользовалась известным ореолом, известным престижем... К монархии поэтому нельзя относиться, как к чему-то такому, полезность или бесполезность чего можно исчерпать чисто практическими соображениями» [7, с. 76].

Во-вторых, и в ряде современных исследований сакрализация выделена в качестве неотъемлемого свойства статуса монарха [8–10].

Сакральный ореол монарха имеет глубокие исторические корни.

В работе В.В. Пузанова подчеркивается, что «у древних и средневековых народов наиболее значимой функцией правителя была сакральная, обеспечивавшая защиту и благополучие земли и подданных» [11, с. 103]. Автор приводит в обоснование итоги сравнительного анализа характеристик правителей 21 «раннегосударственного образования», проведенное Х.Дж. М. Классеном. Согласно исследованию «в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 он генеалогически был связан с богами; в 14 из 16 он выступал посредником между миром людей и богами; в 5 из 18 правитель раннего государства имел статус верховного жреца» [цит. по: 11, с. 103].

Объявление о родстве с богами было характерно для многих цивилизаций.

Например, первое, так называемое «хорово», имя царя Древнего Египта указывало на то, что он является земным воплощением бога Гора (Хора, Хоруса) Второе из пяти имен фараона – небти-имя – отсылало к покровительницам Верхнего и Нижнего Египта – Нехбет и Уаджет. К пятому, личному имени фараона присоединяли указание на родство с богом Ра: правитель мужского пола именовался сыном Ра, правительница – дочерью Ра.

В частности, полное имя фараона 18-й династии Тутмоса III переведено египтологами следующим образом: «Гор, могущественный бык, возникающий в Фивах» (хорово имя); «От обеих Владычиц, Возносящих в царском сане, Подобен Ра в небесах» (небти-имя); «Золотой Гор, Сильнейший из сильных, Священный явлением» (золотое имя); «Бог Двух Земель, Неизменный, явленный как Ра» (тронное имя); «Сын Ра, Тутмос, наипрекраснейший» (личное имя). Очевидно, что многократно повторенное указание на родственную связь правителя с богами должно соз-

давать твердую уверенность в божественной природе самого правителя и его власти.

Таким образом, древнеегипетским фараонам придавали авторитет с помощью родства сразу с несколькими богами. Родословная японских императоров, как считается, восходит к богине солнца Аматэрасу, китайских правителей именовали «Сын неба». Следует отметить, что в Непале до 2008 года король официально считался воплощением бога Вишну.

Как считал Феофан Прокопович, сакральный ореол немало способствует приведению подданных к покорности. Выбранному главе государства многие, особенно влиятельные, люди подчиняются неохотно и даже «стыдящаяся», поскольку до принятия короны правитель был им равен. Наследственный же государь, по замечанию Прокоповича, возбуждает в своем народе «природный некий страх и говение к Государю своему, и он, не яко человек, но аки бы изъятый из числа смертных почитаем есть» [12, с. 57].

Этот тезис находит отклик и у современников: «Власть одного человека над огромными людскими массами не может быть реальностью без внутреннего ощущения у людей особой избранности правителя»³.

Но сакральный ореол монарха с течением времени изрядно тускнел. Еще сто лет назад было указано, что «современное воззрение на монарха все еще не может эмансипироваться от тех представлений, которые сложились на почве абсолютной монархии. Оно все еще носит на себе следы той эпохи, когда монарх представлялся существом высшего порядка... И не безынтересно указать, как постепенно, так сказать, секуляризуется понятие суверена и как сквозь туман мистических представлений постепенно пробивает себе дорогу воззрение на монарха, как на государственный орган...» [13, с. 8].

В настоящее время обожествление монарха ушло в прошлое, однако его идеологический вес сохраняется, правда, в иных формах.

Так, некоторые правители, помимо светской власти, наделены официальным статусом религиозного лидера государства. В частности, британский монарх считается главой англиканской церкви, в Конституции Брунея записано, что султан является высшей религиозной властью.

Монарх, помимо своих властных и представительских функций, может выполнять и иные

³ Диктатура совести. URL: https://tsargrad.tv/dictatura-sovesti-monarhicheskaja-ideologija_181699 (дата обращения: 20.02.2025).

роли, в частности, роль идеологического лидера, символа страны.

Эту роль довольно часто регламентирует основная закон страны. Так, японский император объявлен Конституцией «символом государства и единства народа» (статья 1); правитель Бахрейна является «покровителем религии, отечества, а также символом национального единства»; король Испании выступает символом «единства и постоянства» государства (статья 56) и т.п.

Правда, даже в таком контексте нельзя не отметить тот факт, что идеологический вес монарха постепенно снижается. В конституциях ряда стран упоминание о монархе как символе нации встречается все реже. Например, в скандинавских монархиях подобная конституционная ремарка отсутствует совсем, хотя нельзя сказать, что у статуса правителей этого региона совсем нет идеологического обрамления.

Подводя итог, следует признать, что идеологическая составляющая, независимо от того, проявляется она в обожествлении фигуры правителя или отдает ему роль символа нации, должна быть признана неотъемлемой частью статуса монарха.

Персонификация (имя) как элемент статуса монарха

Авторский подход к содержанию статуса монарха заключается в выделении еще одной составляющей статуса. Это имя монарха, а точнее то, что персонифицирует главу государства не только в личных, но и в государственно-правовых отношениях.

Персонификация как элемент статуса монарха проявляется разными способами.

Во-первых, личное имя монарха имеет значение как знак принадлежности к определенному роду, ветви семьи.

Иногда законодатель ставит имя претендента на корону как обязательное условие пригодности к наследованию власти: «Кувейт является наследственным эмиратом. Наследование престола осуществляется потомками Мубарака ас-Сабаха»; «Корона Испании наследуется преемниками Его Величества дона Хуана Карлоса I де Бурбон, законного наследника исторической династии».

Во-вторых, личное имя правителя является неотъемлемой частью официального обращения, титула монарха.

Российской истории хорошо известны законы, которыми оформлялось персональное именование каждого восходящего на престол.

27 ноября 1741 года был обнародован документ, который назывался «Форма о титулах Ея

Императорского Величества в грамотах, докладах, челобитных, доношениях и пашпортах». Он был посвящен правильному именованию взойшедшей на престол Елизаветы Петровны. Интересно, что в грамотах «в иностранные Государства» императрицу предписано именовать «Елисавет Первая», тогда как в «пашпортах и челобитных» к ней следует обращаться как к «Елисавет Петровне»⁴.

Несколько иным образом предписано в «Форме о титулах»⁵ от 2 июля 1762 года обращение к Екатерине II: в грамотах, независимо от того, имеют они внутриведомственное хождение или предназначены для отправления за границу, императрицу велено называть Екатериной II, в иных документах — Екатериной Алексеевной.

Определенную подсказку в вопросе о форме правления может дать довольно распространенная практика «нумерации» монархов. Если в должность вступает президент, имя которого сходно с кем-то из предшественников, его все равно не будут обозначать с помощью нумерации, тогда как указание имени монарха с дополнением нумерации — довольно частое явление. Например, нынешний король Великобритании после коронации получил имя Карл III, шведский принц Карл Густав Фольке Хубертос взойшел на престол под именем Карла XVI Густава и т.д. Нумерация в этом случае акцентирует внимание на преемственности права на престол.

В-третьих, личное имя монарха является частью юридического оформления права конкретного правителя на власть. В этом случае имя монарха обозначается непосредственно в тексте закона.

В диахронном сравнении этот факт можно рассматривать как правило: «Великий государь царь и Великий князь Петр Алексеевич...»; «Божией милостию Мы Петр Первый, Царь и Самодержец Всероссийский...».

Говоря о современности, речь также идет не о подписи в конце документа, а об упоминании личного имени монарха в самом тексте или в преамбуле закона, в том числе и основного закона страны, чего президент делать не вправе.

Можно привести несколько примеров указания личного имени в конституциях: «Мы, Иоганн II, Божьей милостью суверенный Князь Лихтенштейна, герцог Троппау, граф Ритберг и прочая, и прочая, и прочая, настоящим уве-

⁴ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание первое. Т. XI. 1740–1743 гг. СПб., 1830. С. 541.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание первое. Т. XVI. 28 июня 1762–1765 гг. СПб., 1830. С. 7.

домляем, что Конституция 26 сентября 1862 года изменена Нами с согласия Ландтага...»; «Именем господина Бога, с его благословения и с его помощью я, Хамад бин Иса аль-Халифа, монарх королевства Бахрейн в соответствии со своим решением, верой и понимая всю ответственность перед государством, всей арабской нацией и всем миром, осознавая свой долг перед Богом, ответственность перед человечеством, перед государством, его гражданами и заявляю о своей приверженности основным принципам» и т.д.

Безусловно, персонификация в основном вызвана тем, что господствующим способом передачи короны является наследование. Однако не отметить личное имя как элемента статуса монарха невозможно, тем более что именно персонификация может выступить знаковым водоразделом между президентом и монархом, республикой и монархией.

Заключение и выводы

Вопреки довольно распространенному мнению, монархия в настоящее время является вполне жизнеспособной и достаточно распространенной формой правления. Безусловно, современные монархические государства существенно отличаются от монархий Средневековья. Но и те, в свою очередь, значительно разнятся с монархиями периода рабовладельческого строя или древнейших времен.

Для того чтобы найти ответ на вопрос — что такое монархия, нельзя опираться на признаки монархии конкретной исторической эпохи и автоматически переносить их на современные условия.

Если пользоваться устоявшимися критериями в виде неограниченных полномочий, абсолютной власти, власти одного и подобными формулировками, можно прийти к ошибочному выводу, что в современном мире монархий практически не осталось. В лучшем случае это одно-два государства, более или менее соответствующие обозначенному критерию. Все остальные, если руководствоваться данным определением, придется отнести к «нетипичным» или «гибридным» формам правления.

Но если положить в основу определения несколько иные критерии монархии, таких нетипичных и гибридных форм станет в разы меньше.

Представляется, что в основу понятия «монархия» любого периода истории можно положить такие принципы, как бессрочность и наследственность. Неответственность монарха, согласно авторской концепции, относится только к полномочиям монарха, а не к свойствам монархии в целом.

Принципы бессрочности и наследственности должны распространяться не только на передачу власти, как обычно указывается в теоретико-правовых исследованиях. С позиций конституционного права бессрочными и наследственными являются не только власть, но и весь статус монарха в целом.

В государственно-правовой статус монарха, согласно авторской позиции, включается ряд элементов. Это внешняя атрибутика, которая складывается под влиянием исторических событий, обычаев, традиций и правовых норм. Вторым элементом статуса являются права и, что редко упоминается в исследованиях, но легко обнаруживается при изучении конституционно-правовых нормативных актов, обязанности монарха. Неотъемлемой частью статуса правителя является, что доказывает содержание законов, его идеологический вес. Правда, ярко выраженная сакрализация образа монарха в настоящее время трансформировалась в идеологический концепт исторического наследия, монарха как символа нации. Тем не менее этот элемент статуса следует учитывать при характеристике монархии. Достаточно дискуссионным, как представляется, выглядит четвертый элемент статуса правителя. Согласно авторской концепции, статус монарха не будет полным без признания признака его персонифицированности. В государственно-правовом контексте этот элемент статуса можно трактовать как значение личного имени, имени как неотъемлемой части титула, как свидетельства принадлежности к правящему роду, как свидетельства занимаемого места в иерархии властвующих субъектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минникес И.В. Государственно-правовой статус монарха (часть первая) / И.В. Минникес. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).28-34. — EDN PMTLFX // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 1. — С. 28–34.
2. Калинович А.Э. Формы правления в правовом государстве: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Э. Калинович. — Санкт-Петербург, 2008. — 22 с. — EDN ZNMEOV.
3. Селютина Е.Н. Правовое положение главы государства в монархических и республиканских странах / Е.Н. Селютина. — EDN SMLQTX // Вестник государственного и муниципального управления. — 2012. — № 2. — С. 57–62.
4. Малько А.В. К вопросу о системе юридической ответственности главы государства: российский и зарубежный опыт / А.В. Малько, Р.С. Маркунин. — EDN NMJAOU // Академический юридический журнал. — 2020. — № 3. — С. 24–29.

5. Краснов М.А. Не-ответственность монарха и ответственность президента / М.А. Краснов. — DOI 10.17308/law/1995-5502/2022/4/10-44. — EDN NFYRFN // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 4 (51). — С. 10–44.

6. Бредихин А.Л. Монархии как формы правления: генезис и перспективы / А.Л. Бредихин. — EDN QAYTFJ // Вестник Луганской Академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. — 2023. — № 1 (14). — С. 14–20.

7. Лазаревский Н.И. Русское государственное право / Н.И. Лазаревский. — Петроград : скл. изд.: кн. маг. «Право», 1917. — Т. 1, вып. 1. Конституционное право. — 472 с.

8. Минникес И.В. Монархия как форма правления — проблемы теории и сравнительный анализ / И.В. Минникес. — EDN YHYJWD // Компаративистика — 2012: сравнительное правоведение, сравнительное государствоведение, Сравнительная политология : сб. статей. — Москва, 2013. — С. 213–216.

9. Серегин А.В. Теоретические проблемы монархической формы правления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Серегин. — Ростов-на-Дону, 2003. — 24 с.

10. Погожева О.В. Монархия как форма правления в Российской империи: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Погожева. — Ростов-на-Дону, 2004. — 24 с. — EDN ZMTKCV.

11. Пузанов В.В. Княжеские инсигнии в средневековой Руси и «Батыево знамение» / В.В. Пузанов. — EDN OJYXZ // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153, № 3 — С. 102–111.

12. Феофан (Прокопович Елезар; архиеп.). Правда воли монаршей. Во определении наследника державы своей... / Феофан (Елезар Прокопович). — Москва : Синодальная тип., 1726. — 81 с.

13. Алексеев А.С. Безответственность монарха и ответственность правительства / А.С. Алексеев. — Москва : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. — 70 с.

REFERENCES

1. Minnikes I.V. The State-Legal Status of the Monarch (Part One). *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*, 2025, vol. 26, no. 1, pp. 28–34. (In Russian). EDN: PMTLFX. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).28-34.

2. Kalinovich A.E. *Forms of Government in a State Governed by the Rule of Law: Theoretical and Legal Aspect*. Cand. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 2008. 22 p. EDN: ZNMEOV.

3. Selyutina E.N. The Legal Status of Head of State in Monar Chical and Republican Countries. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Journal of Public and Municipal Administration*, 2012, no. 2, pp. 57–62. (In Russian). EDN: SMLQTX.

4. Malko A.V., Markunin R.S. On the Issue of the System of Legal Responsibility of the Head of State: Russian and Foreign Experience. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*, 2020, no. 3, pp. 24–29. (In Russian). EDN: NMJAOU.

5. Krasnov M.A. The Non-Responsibility of the Monarch and the Responsibility of the President. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2022, no. 4, pp. 10–44. (In Russian). EDN: NFYRFN. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2022/4/10-44.

6. Bredikhin A.L. Monarchies as Forms of Government: Genesis and Prospects. *Vestnik Luganskoi Akademii vnutrennikh del imeni E.H.A. Didorenko = The Journal Lugansk Academy of Internal Affairs Named by E.A. Didorenko*, 2023, no. 1, pp. 14–20. (In Russian). EDN: QAYTFJ.

7. Lazarevskii N.I. *Russian State Law*. Saint Petersburg, 1917. Vol. 1, iss. 1. 472 p.

8. Minnikes I.V. Monarchy as a form of government — problems of theory and comparative analysis. In *Comparative 2012: Comparative Law, Comparative State Studies, Comparative Politics*. Moscow, 2013, pp. 213–216. (In Russian). EDN: YHYJWD.

9. Seregin A.V. *Theoretical problems of the monarchical form of government*. Cand. Diss. Thesis. Rostov-on-Don, 2003. 24 p.

10. Pogozheva O.V. *Monarchy as a form of government in the Russian Empire: historical and legal aspects*. Cand. Diss. Thesis. Rostov-on-Don, 2004. 24 p. EDN: ZMTKCV.

11. Puzanov V.V. Prince's Insignias in Medieval Russia and “Batyeyvo Znamenie”. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2011, vol. 153, no. 3, pp. 102–111. (In Russian). EDN: OJYXZ.

12. Feofan. The truth of the monarch' will. Designating the successor of the state... Moscow, 1726. 81 p.

13. Alekseev A.S. *Non-liability of the monarch and liability of the government*. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1907. 70 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Викторовна Минникес — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований. Байкальский государственный университет, 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID: E-6361-2017; SPIN-код: 6729-1412.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Minnikes — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legal Studies. Baikal State University, 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Researcher ID: E-6361-2017; SPIN-code: 6729-1412.

Поступила в редакцию / Received 04.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised 17.05.2025

Принята к публикации / Accepted 18.06.2025